

РѢЧЬ,

сказанная архимандритомъ Феодоромъ, ректоромъ Московской Духовной Академіи, при нареченіи во епископа Волоколамскаго, викарія Московской епархіи (12 Сент. 1909 г.).

Ваше Высокопреосвященство и богомудрые
архипастыри!

Въ томъ естественномъ душевномъ смущеніи, какое переживается мною теперь, особенно хочется слышать нѣчто подобное тому, что говорилъ пророкъ Божій народу Израильскому: „Укрѣпите ослабѣвшія руки и утвердите колѣна дрожашія, скажите робкимъ душею будьте тверды; не бойтесь: вотъ Богъ вашъ“ (Ис. 35, 3—4). И вотъ, эта, только что воспѣтая вашими устами, священная пѣснь о вседѣтельной силѣ Всесвятаго Духа Божія, и воспринимается моимъ смущеннымъ сердцемъ и робкой душею, какъ этотъ именно голосъ Пророка, какъ голосъ небснаго ободренія, какъ призывъ къ высшему упованію и покрову въ предстоящемъ мнѣ великомъ служеніи. Ибо, вѣдь, если Всесвятый Духъ Божій умудрилъ книжныя ученики и ими уловилъ вселенную, то можетъ Онъ силою Своею и наше, якобы нѣкое книжное, а наипаче плотское мудрованіе, претворить въ „буиство“ и уже „буиствомъ проповѣди“ спасать вѣрующихъ и невѣрующихъ. И кажется это именно дѣйствіе Святаго Духа — претвореніе мудрости человѣческой въ „буиство“ — всегда и совершается въ случаяхъ, подобныхъ настоящему. Ибо, вѣдь не разъ и не два вамъ, богомудрые архипастыри, приходилось внимать словамъ тѣхъ, кои ранѣе меня стояли здѣсь, принося вамъ исповѣданіе своей души, своихъ настроеній, и чувствъ, и конечныхъ упованій. И всегда это исповѣданіе души звучало одними и тѣми же настроеніями: свидѣтельствовалось собственное убожество и немощь, слышался голосъ смущенной души, исповѣдывалась вѣра въ

Божію промыслительную Руку и въ помощь вашихъ святыхъ молитвъ. Сіе самое исповѣданіе нищеты духовной приношу и я теперь вамъ, богомудрые архипастыри, и радуюсь, что ничего другого не могу вамъ исповѣдать, ибо въ царствѣ благодати Божіей наличность духовной нищеты есть залогъ всякаго духовнаго богатства. Вѣдь и апостолъ говорилъ, что сокровище Божіей благодати являемо было въ скудельныхъ сосудахъ, и сами апостолы дѣйствовали во мнозѣ страстѣ и трепетѣ и не силою своею, а нищетою богатили многихъ. Пусть тѣ, коимъ это нравится, говорятъ, что это исповѣданіе духовной нищеты и немощи, постоянно повторяющееся въ подобныхъ настоящему случаяхъ, есть только дань приличію или даже нѣкое лукавство совѣсти. Нужно имѣть не лукавую, а уже сожженную совѣсть, чтобы въ эти святые минуты говорить то, чего не чувствуешь, или намѣренно подмѣнять одно чувство другимъ, или воспринимать въ чувствѣ не то, что переживаешь.

Намъ хочется видѣть въ этой общности и однородности неизмѣнно переживаемыхъ всѣми однихъ и тѣхъ же чувствъ лучшее доказательство дѣйствительности ихъ, а самое явленіе этихъ благодатныхъ въ духовномъ отношеніи чувствъ объяснять даромъ Св. Духа. Въ многообразныхъ явленіяхъ Духа на пользу вѣрующимъ, намъ, призываемымъ къ служенію апостольскому, дается чрезъ эту же силу Св. Духа какъ бы особое пробужденіе и чуткость совѣсти и сугубое сознаніе духовной нищеты своей, дабы и въ будущей дѣятельности нашей *„премножество силы было Божіей, а не нашей собственной“* (2 Кор. IV, 7). И еслибы спросили насъ теперь о нашей задачѣ и планахъ въ предстоящей дѣятельности, то мы указали бы, какъ главную задачу—сохраненіе этой чуткости совѣсти, постояннаго сознанія своей немощи, дабы разумъ человѣческой въ насъ-то самихъ не возвышался на разумъ Божій, и мудрованіе по плоти опять не стало на мѣсто буинства о Христвѣ. Ибо если это постоянно будетъ въ насъ самихъ, то легче будетъ тогда и въ другихъ различать мудрованіе плотское и духовное. Если св. апостолъ Павелъ своимъ современникамъ давалъ совѣтъ быть „буими, чтобы быть мудрыми“, то, кажется, проведеніе въ жизнь этого правила есть особенная потребность современности. Мудрость міра сего теперь особенно возстаетъ на ра-

зумъ Божій, и это есть главный идолъ современности. Многіе ли принимаютъ теперь Христа и христіанство такъ, какъ они есть и открылись въ Святомъ Евангеліи, преданіи церковномъ и самой Церкви? Вездѣ идетъ грубая и многообразная поддѣлка Христа и христіанства примѣнительно къ личнымъ вкусамъ и грѣховной похоти. Одни кланяются Христу, но ликъ Его искажаютъ собственнымъ пониманіемъ Христа; другіе раздираютъ нешвенный хитонъ Христова ученія и жизни на части, опошливаютъ ихъ своимъ собственнымъ пониманіемъ, и думаютъ этими добрыми—якобы христіанскими—истинами, но безъ Христа, покрыть наготу своей жизни, иные кощунственно дѣлаютъ высокія начала Христова ученія знаменіемъ и оправданіемъ насилія и крови, другіе и прямо ругаются Христу. Мало только тѣхъ скорбныхъ и уничиженныхъ духомъ, кои въ сознаніи своего убожества кланяются истинному Христу, касаются края ризы Его и получаютъ спасеніе жизни.

Вотъ опознать-то эти поддѣлки Христа и христіанства, различать вѣрно „духи“: отъ Бога-ли они?—и составляетъ главную задачу современности для пастыря.

Посему-то особенно хочется молить Господа и просить вашихъ святыхъ молитвъ, дабы Духъ Святой, пришедшій,—по слову Христову—„обличить міръ о грѣсѣ, о правдѣ и о судѣ“ (Іоан. XVI, 8), первѣе всего обличалъ меня постоянно въ семь самомъ и уточчалъ мое духовное разумѣніе. О грѣсѣ меня обличалъ, что маловѣренъ я и малодушенъ; о правдѣ,—что тайну христіанскую, тайну спасенія и вочеловѣченія Сына Божія въ своемъ мудрованіи и пониманіи, быть можетъ, низволку съ неба на землю, о судѣ;—что князь міра сего еще не осужденъ и не изгнанъ изъ души моей. И если это будетъ постояннымъ явленіемъ въ нашей личной жизни, то совѣсть наша вѣрнѣе будетъ различать и въ окружающей жизни Божіей отъ человѣческаго. И только уповая на эту божественную помощь свыше, рѣшаюсь теперь возлагать свою слабую руку на рало дѣятеля на нивѣ Божіей. Пусть борозда на этой нивѣ будетъ глубока и сорна, пусть смочится она не потомъ, а быть можетъ и слезами,—все же боюсь оглядываться назадъ, боюсь быть неуправленнымъ въ Царствіе Божіе.